

**«СТИХОВНЫЙ ДОЛОМАН ПЕВЦА»:
О НЕИЗВЕСТНОМ АКРОСТИХЕ
И.А. АКСЕНОВА К.А. БОЛЬШАКОВУ***

Летом 2012 г. я занимался поиском в Москве новых документов, касающихся творчества малоизвестного футуриста И.А. Аксенова (1884–1935), о поэзии которого я тогда писал диссертацию¹. Надо сказать, что большой вклад в изучение литературного наследия и разыскание забытых текстов Аксенова внесла Н.Л. Адаскина; результаты ее многолетних трудов недавно были представлены в первом собрании сочинений Аксенова². Однако далеко не все архивные материалы, связанные с Аксеновым, были введены в научный оборот. В ОР ИМЛИ РАН исследовательница, видимо, не работала, а именно здесь мне удалось найти интереснейшие документы, как, например, два стихотворения поэта (одно опубликованное, другое неизвестное) с надписью, где сообщается о его третьей, до сих пор неизвестной, книге стихов «Оды и танцы»³; этим находкам я недавно посвятил свою статью⁴. В настоящей работе речь пойдет о другой находке в ОР ИМЛИ, связанной с именем Аксенова: в фонде Всероссийского союза советских писателей (ВССП) хранится акrostих, посвященный К.А. Большакову⁵ (1895–1938). Приведу этот текст**:

К раткіе дниосени шелестящей
О свѣщающіе шпиль Павлова дворца
Н е налагають дани мстящей
С тиховному доломану пѣвца.
Т акъ гудить дымчатая перестройка
А льтами, переламывающимися жизни,
Н а уже отпированной тризнѣ
Т емами, какихъ не зналъ ни одинъ шапирографъ.
И сключенія нѣтъ, но плющевые сольфеджи
Н арождаются въ скрипѣ и хрипотнѣ,
У поительнѣ зорь, благодаря надеждѣ
Б арокъ, струганныхъ по веснѣ.

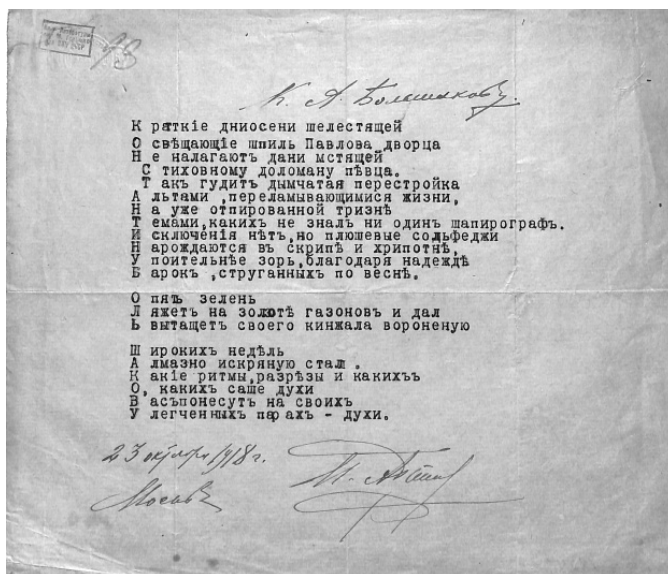
* Данная статья является исправленным вариантом ранее опубликованной работы: Фарсетти А. Из забытого авангарда: об одном неизвестном стихотворении И.А. Аксенова (акrostих К.А. Большакову). По архивным материалам ОР ИМЛИ РАН // Studia Literarum. 2016. Т. 1, № 1–2. С. 385–395.

** Текст публикуется по авторизованной машинописи, без исправления опечаток, орфография оригинала сохранена.

О пять зелень
Ляжетъ на золотѣ газоновъ и дал
Бъ вытащеть своего кинжала вороненую

Ш ирокихъ недѣль
А лмазно искрянную стал .
К акіе ритмы, разрѣзы и какихъ
О, какихъ саше духи
В асьпонесутъ на своихъ
У легченныхъ парахъ — духи.

На машинописи рукой Аксенова поставлено посвящение («К.А. Большакову»), подпись, указаны дата и место создания (23 октября 1918 г., Москва). Эта находка вызывает некоторые вопросы, связанные как с текстологией, так и с творческой биографией Аксенова и его поэтикой. Я постараюсь, по мере возможности, ответить на них.

Ил. 1. Машинопись акростиха И.А. Аксенова. 23 октября 1918

Об отношениях Аксенова и Большакова стоит рассказать подробно⁶. Во второй половине 1910-х гг. они находились в некой «творческой близости». После того как юный Константин Большаков ненадолго примкнул к московской футуристической группировке «Мезонин поэзии» (в издательстве которой в 1913 г. вышел его сборник «Сердце

в перчатке»), он все чаще участвовал в изданиях «Центрифуги» и близкой к ней «Петы»: в 1916 г. в издательствах этих объединений вышли его книги стихов «Солнце на излете» и «Поэма событий»⁷. В отличие от Большакова, военный инженер Иван Аксенов относительно поздно решил стать литератором: в 1916 г., пока воевал на западном фронте, он заочно примкнул к «Центрифуге» через частую переписку с лидером группы, С.П. Бобровым. Аксенов сразу стал одной из основных фигур «Центрифуги», подробно обсудил с Бобровым издательские планы и литературную ориентацию группы. Он также участвовал в издательской деятельности объединения, в том числе в финансировании публикаций: на его деньги вышли, между прочим, сборник Б.Л. Пастернака «Поверх барьеров» (1916) и его собственные книги: «Неуважительные основания» (стихи, 1916), «Елисаветинцы» (переводы английских драм XVII в., 1916), «Пикассо и окрестности» (эссе, 1917) и «Коринфяне» (трагедия, 1918).

В письмах Боброву встречаются суждения Аксенова о творчестве Большакова и намеки на развитие их личных отношений. Стихи Большакова, опубликованные во «Втором сборнике Центрифуги» (1916), Аксенов принял холодно⁸ и, напротив, высоко оценил вышедшую в том же году «Поэму событий»: «Спасибо большое за “Поэму событий” — это прекрасная вещь, кроме посвящения II, которое впору пошляку Кузьмину. Поэма заставила меня пересмотреть свое отношение к ее автору, определившееся после неприятных вещей Петы, я перечитал Ц. Ф. Г. (Центрифугу. — А. Ф.) и вижу, что весна, лето (очень) и зима хороши, и за них можно простить автопортрет, осень и не читать самоубийцу с проклятым проглоченным аршином неподвижной женской цезуры (постылой памяти В. Гофмана): “это искупление это неизбежно”»⁹. Сразу после этого Аксенов предложил финансировать «Солнце на излете»¹⁰, а в 1918 г. посвятил Большакову еще одно, помимо вышеприведенного, стихотворение: «Эйфелея XXVIII» (дата написания автором не указана, но текст — один из последних в опубликованной лишь посмертно книге стихов Аксенова «Эйфелея», которую он закончил в 1918 г.)¹¹. Единственный человек (помимо Большакова), которому он посвящал стихи, был Бобров («Эйфелея XVIII» и «Изменчиво»)¹²: это особенно интересно, если иметь в виду, что он в целом считал Большакова менее одаренным других товарищей по «Центрифуге», таких, как Н.Н. Асеев и Бобров¹³. Поэтому появление посвящения объясняется хорошими личными отношениями, сложившимися между Аксеновым и Большаковым.

Что известно об этих отношениях? Акростих датирован 23 октября 1918 г.: по всей вероятности, первая встреча двух поэтов произошла незадолго до этого.

С июля до октября 1918 г., после войны, Аксенов бывал в Петрограде, где читал лекции в Военно-инженерной академии. В это время он входит в редколлегия литературно-политического еженедельного журнала «Вестник красноармейца» и с сентября работает в Публичной библиотеке над проблемами искусства (особенно английской драматургией шекспировской эпохи)¹⁴. В недатированном письме Аксенова, полученном Бобровым 8 сентября 1918 г., на обороте есть запись: «Просьба большая: у Вас остались мои свечи — вручите <так в тексте> их, пожалуйста, К. А. Б. для меня»¹⁵. Как справедливо полагает Адашкина, Большаков, который в тот период работал в московской газете «Жизнь»¹⁶, вероятно, должен был поехать в Петроград по каким-то делам¹⁷. Подтверждением этой гипотезы служит письмо Боброву от 15 сентября 1918 г., в начале которого Аксенов пишет: «Был ли у Вас Костя? он должен был вернуться “по возможности сегодня”, но, ясное дело, опоздает»¹⁸. Видимо, Большаков был в Петрограде в начале сентября и уже до 15-го вернулся в Москву и должен был зайти к Боброву. Здесь, по-моему, важно заметить разницу в упоминании Большакова в этих двух письмах: безличное «К. А. Б.» (а до этого в письмах Боброву Аксенов называл его просто по фамилии) заменено более дружеским «Костей». Можно предположить, что в Петрограде они увиделись впервые, а до того обменялись рядом писем, чтобы договориться о встрече. Правда, документы, подтверждающие существование этой переписки, неизвестны; неизвестно и мнение Большакова об Аксенове. Единственно, что не вызывает сомнения — Аксенов уважал Большакова как поэта и как человека и оставил тому свидетельство.

Впоследствии Большаков и Аксенов встречались по крайней мере еще раз, 29 ноября 1918 г., когда вместе бывали в литературном салоне «Вторники» на квартире театрального критика С.Г. Кара-Мурзы¹⁹. Об их одновременном посещении салона свидетельствуют стихотворения, которые оба поэты записали в альбоме Кара-Мурзы в этот день. Вот текст Аксенова:

Стакан освещен без блика
 Рюмка и алый ликер
 И кругом заплелась повилика
 Разных болтовни и вер
 Но разве понедельник, пятницы,
 И вообще недели не сон
 Почтительного товарища Пятницы,
 Когда его изловил Робинзон?
 Так на обитаемом острове
 Среди необитаемых дней
 Мы состязаемся тостами

У непогасших огней
 Центра всего вдохновения
 Неугасающих глаз костра
 И, запалом Ньютонова тяготенья
 Крепла наша Москва.
 Пусть образцово свирепствует
 Киевский пылесос
 Мы здесь, в невидимой крепости,
 Где умер всякий «вопрос»²⁰

Главной чертой этих легких, но и отчасти загадочных стихов можно считать радостное бегство от (жесткой) действительности в общество веселых единомышленников. В подобном тоне выдержано и стихотворение Большакова, написанное на предыдущей странице альбома:

Было просто. Все очень просто.
 Нам не казался чудом ликёр.
 И вот, выше звезды мгновенного роста
 В осенней ночи возникшего вижу взор.
 Им ли, даже теперь, возможно измерить
 Бездну падений, — белый <?> и коммунистов бурь,
 И создавая трехмиллионную армию можно верить
 В ту, влюбленных и нежных лазурь,
 И даже в то, что может быть просто,
 Даже проще, чем этот гостеприимный чай,
 Падающая звезда мгновенным ростом
 Ростом в осенней ночи, скажет: «загадай».
 «Загадай» — Будет как будет
 Ликер кажется чудом, и дня упорней <?>
 Будет спокойно, и эти милые люди
 Раскроют двери в гостеприимный вторник²¹.

Здесь еще более отчетливо проявилось представление о квартире Кара-Мурзы как об убежище, дарующем надежду на существование иного быта (попросту домашнего, тихого, спокойного), противостоящего ужасу Гражданской войны. Кстати, это вдвойне интересно, потому что именно в те годы и Большаков, и Аксенов принимают активное участие в революционных действиях: первый служит в Красной армии, а второй в 1917 г. становится членом Ревкома румынского фронта и в 1919 г. работает в Центральной комиссии по борьбе с дезертирством²².

По мнению Адаскиной, 29 ноября 1918 г. Аксенов впервые посетил «Вторники», но не исключено, что он бывал там и немного раньше.

До того как я нашел акrostих Большакову, не было ясно, когда Аксенов переехал в Москву из Петрограда: судя по указанию в конце машинописи «Эйфелеи»²³, в октябре 1918 г. он еще находился в бывшей столице, и первые по времени данные о его пребывании в Москве представлены именно указанными сведениями о посещении «Вторников» в конце ноября. Итак, эта находка позволяет уточнить одно обстоятельство жизни Аксенова: судя по дате на акrostихе, во второй половине октября он уже был в Москве и скоро начал активно участвовать в литературной жизни города.

Аксенов и впоследствии посещал дом Кара-Мурзы²⁴, и там он, возможно, снова встречал Большакова. К сожалению, о дальнейших отношениях двух поэтов ничего неизвестно: видимо, их творческие и жизненные пути разошлись. Большаков перешел к художественной прозе, в которой он отразил свой военный опыт; в годы сталинского террора его арестовали и расстреляли 21 апреля 1938 г. наряду с некоторыми другими, среди которых был и Борис Пильняк. Аксенов примыкал к конструктивизму, сотрудничал с Мейерхольдом, возглавлял Московский союз поэтов, но постепенно отдалялся от поэзии и от бывших литературных «соратников» (начиная с Боброва); в 1930-е гг. он нашел себе убежище от становившейся все более опасной действительности в шекспироведении и умер собственной смертью в 1935 г. до начала «Большой чистки» 1937–1938 гг.

Теперь перейду к самому тексту стихотворения. Оно свидетельствует об уже упомянутом сходстве в настроении двух поэтов в конце 1910-х гг. и о возможной близости их литературных систем.

Прежде всего надо заметить, что, хотя Москва приведена в качестве места написания, в самом тексте узнаются петроградские реалии, что, очевидно, связано с недавним пребыванием автора в этом городе. Речь идет о «Павловом дворце» (строка 2), который, по всей вероятности, отсылает к Михайловскому замку, где был убит Павел I: во-первых, у него есть очень узнаваемая колокольня со шпилем (см. строку 2); во-вторых, там находились Военно-инженерная академия, в которой Аксенов читал лекции в 1918 г., как я указал выше, и училище, где он учился в 1900–1905 гг. (тогда оно называлось Николаевским военно-инженерным училищем).

Основная структура текста очень проста: осенние образы настоящего (строки 1–12/13) противопоставлены образам будущей весны (строки 12/13–21): очевиден контраст между короткими осенними днями (строка 1) и длинными неделями весны (строка 16). Обращает на себя внимание преобладание отрицательных образов в первой части, непосредственно связанных с Гражданской войной; на осень 1918 г. приходится расцвет Красного террора в Петрограде, когда сотни лю-

дей были расстреляны по обвинению в контрреволюционной деятельности²⁵: в этом ключе можно интерпретировать выражение «дымчатая перестройка» (строка 5), и уже почти прямой намек на крики убитых содержится во фразе «Альтами, переламывающимися жизни» (строка 6). Царит атмосфера смерти (тризна, скрип, хрип — см. строки 7, 10), которую газеты (шапирограф — явная метонимия) не передают (строка 8) и которая, к счастью, не трогает поэта (опять метонимия — поэт заменен своими стихами: «Краткіе дни... / не налагають дани мстящей / Стиховному доломану п'ївца», строки 1, 3–4; обратим внимание, что в военной атмосфере тревоги и падения даже стихи представлены в виде офицерского мундира). Но уже появляется надежда на весну, т. е. на возрождение после страдания сегодняшнего дня («...но плющевые сольфеджи / Нарождаются въ скрипѣ... / Упоительнѣ зорь...», строки 9–11). Вторая, «весенняя» часть стихотворения представляет положительные образы: зеленые луга, алмазный вид кинжала, приятные ритмы, благоуханные запахи²⁶. Иными словами, создается обычная метафорическая ситуация, в которой противоположные характеристики двух периодов соответствуют чередованию сезонов²⁷: ужасный быт Революции и падение, осень русской Истории, кончатся, как кончаются времена года, и наступит цветущая весна человечества.

А какое отношение может иметь этот текст к Большакову? В-первых, главная мысль произведения о тяжелой реальности и надежде на ее преодоление предвосхищает идею стихов, записанных Аксеновым и Большаковым в альбоме «Вторников», и, вероятно, является их источником, так как трудно поверить, что Аксенов не показал Большакову стихи, посвященные ему. Во-вторых, это сходство в стиле письма. Использование необычной специализированной лексики (см. особенно типографический шапирограф, музыкальные альты и сольфеджи, ароматизированную подушечку саше, вороненую сталь, струганные барки) сближает Аксенова и Большакова. Менее характерной для Аксенова является тема времен года, которой он отдает дань творчеству Большакова (недаром стихи ему посвящены). Именно осень и весна являются лейтмотивами в стихах Большакова: об этом можно судить уже по заголовкам: «Вернисаж осени», «Городская весна» (из «Сердца в перчатке», 1913), «Осененочь», «Осень годов» (из «Первого журнала русских футуристов», 1914), «Осень» (из «Второго сборника центрифуги», 1916). См. также замечательный «Атлант» («аграмматический сонет» доброй памяти С. Малларме, из «Петы», 1916).

В связи с проблемой влияния Большакова на Аксенова укажу еще на одно возможное заимствование, которое не касается этого текста: синтаксическая и семантическая структура начала главы III из любимой Аксеновым книги Большакова «Поэма событий» 1916 г. очень сильно

напоминает «Эйфелею II», которую Аксенов написал в тот же самый период. Сравним с нею текст Большакова:

Как Прекрасной Даме дни
 Посвящали поэты и любовники,
 Тебе рожденной в ликующем пламени
 В багряных ранах, как куст шиповника,
 Тебе одной — газетную истину
 Поворачивая, как кули на кранах,
 Где-то в южных морях затерянной пристани
 Слепящимся глазом на брызжущих ранах
 В громаде черной глухой бессонницы
 Ты разрубила дыханье артерий
 Разящим летом гремящей конницы
 Громовым кашлем артиллерии,
 Над телом Польш и Бельгий элегию вымыслов
 Одеда в лохмотья газетных сенсаций
 И за земною осью вынесла
 Вращенье судеб двенадцати наций...²⁸

У обоих поэтов заметно противопоставление старых тем современным реалиям. У Большакова встречается блоковская Прекрасная дама, у Аксенова — пушкинская Раевская и дантовская Беатриче; у Большакова в качестве новой темы поэзии представляется газетная хроника войны, у Аксенова — Эйфелева башня:

Как Пушкин был верен М.Н. Раевской,
 На пространстве пятнадцать лет,
 Как Дант между парой штанов и курток детских
 В сундуке терял решетки своих терцет
 О несущественной Портинари,
 Чтоб она проводила в рай,
 Так Ты на планетном пожаре
 Оду мне наиграй.
 Ты будешь струнами странствия,
 Ты стонешь огня смычком,
 Ты станешь ароматом пространственным
 Ты будишь сна вином²⁹.

Думаю, что эти беглые замечания могут послужить толчком для дальнейших исследований, посвященных взаимосвязям этих двух представителей русского авангарда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Farsetti A.* La poesia di Ivan Aksenov (1914–1921) nel contesto dell'avanguardia russa: un'interpretazione: Tesi di Dottorato. Venezia, 2014. 337 p. Недавно диссертация была издана в форме монографии: *Idem.* Una voce parigina nel Futurismo russo: la poesia di Ivan Aksenov. Firenze: Firenze University Press, 2017. 384 p.

² См.: *Аксенов И.А.* Из творческого наследия: В 2 т. М.: РА, 2008.

³ См.: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 8.

⁴ См.: *Фарсетти А.* Неизвестная книга стихов Ивана Аксенова «Оды и танцы»: попытка реконструкции // Текстология и историко-литературный процесс: III международная конференция молодых исследователей: Сб. ст. М.: Лидер, 2015. С. 116–124.

⁵ См.: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 270.

⁶ До сегодняшнего дня творчеству Большакова специалисты по авангарду уделяли мало внимания. Среди немногих исключений нужно упомянуть недавнюю кандидатскую диссертацию о его поэзии (см.: *Минутина Ю.Л.* Лирика Константина Большакова: «поэтика синтеза»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: защищена 22.01.02. СПб., 2011), а также статью Т.Л. Никольской о его прозе (см.: *Никольская Т.Л.* Стилистика прозы Константина Большакова («Девятнадцать — вчера», *Сгоночь*) // *Russian Literature*. 1997. Vol. 41, № 4. С. 483–494).

⁷ См.: *Гельперин Ю.М.* Большаков Константин Аристархович // *Русские писатели. 1800–1917: Биогр. слов. М.: Сов. энцикл., 1989. С. 308–309.* В том же 1916 г., по разным источникам, вышла книга Большакова «Королева мод». Однако, несмотря на утверждение Гельперина, что он видел эту книгу опубликованной, ни один экземпляр ее до сих пор не известен. Подробнее об этом см.: *Богомоллов Н.А.* Константин Большаков и война // *Русский авангард и война.* Белград: Филол. фак. Белградского ун-та, 2014. С. 105.

⁸ См.: *Аксенов И.А.* Из творческого наследия. Т. 1. С. 70.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ См.: Там же. С. 74.

¹¹ См.: Там же. Т. 2. С. 142.

¹² См.: Там же. С. 133, 146.

¹³ См.: Там же. Т. 1. С. 77, 98.

¹⁴ См.: *Адаскина Н.Л.* Даты и факты жизни И.А. Аксенова // Там же. Т. 2. С. 324.

¹⁵ *Аксенов И.А.* Из творческого наследия. Т. 1. С. 153.

¹⁶ См.: РГАЛИ. Ф. 1675. Оп. 1. Л. 5–6.

¹⁷ См.: *Адаскина Н.Л.* Комментарии // *Аксенов И.А.* Из творческого наследия. Т. 1. С. 549.

¹⁸ *Аксенов И.А.* Из творческого наследия. Т. 1. С. 153.

¹⁹ См.: *Адаскина Н.Л.* Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // *Третьяковские чтения 2012: Материалы отчетной науч. конф. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2013. С. 151–176.*

²⁰ ОР ГТГ. Ф. 4. Ед. хр. 3202. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 10.

²² См.: *Адаскина Н.Л.* Даты и факты жизни И.А. Аксенова. С. 324–325.

²³ См.: Аксенов И.А. Из творческого наследия. Т. 2. С. 145.

²⁴ См., например: Данин Д. ...и Андрей Гончаров. (Из «Книги без жанра») // Панорама искусств. М.: Сов. худож., 1990. Вып. 13. С. 359; см. также: Адашкина Н.Л. Содружество муз. С. 153).

²⁵ См.: Иофе В. Первая кровь (Петроград, 1918–1921) // Звезда. 1997. № 8. С. 173–177.

²⁶ Кстати, замечу, что в последней строке может быть опечатка: «О, какихъ саше духи / Васъ[] понесутъ на своихъ / Улегченныхъ парахъ — духи» (строки 19–21). Маловероятно не только тождественная рифма «духи» — «духи», но и употребление слова «духи» в именительном падеже в контексте последней строки. Может быть, правильный вариант — «душа» в родительном падеже: создается совершенно понятный метафорический образ «улегченные пары души» и рифма «духи» — «души».

²⁷ Ср., например, несомненно близкий знатоку У. Шекспира, каким был Аксенов, знаменитый начальный монолог из «Ричарда III», где содержатся пары оппозиций зима/лето, тучи/солнце, веселье/бой, военный марш/нежная песня:

Прошла зима междоусобий наших;
Под Йоркским солнцем лето расцвело,
И тучи все, нависшие над нами,
В пучине океана погреблись.
Свое чело мы лавром увенчали,
Сложили прочь избитые доспехи,
Весельем заменили грозный бой,
А звуки труб — напевом песни нежной.

(Пер. А.В. Дружинина)

²⁸ Большаков К.А. Поэма событий. М.: Центрифуга, 1916. С. 9.

²⁹ Аксенов И.А. Эйфелеи // ОРК ГПИБ. Доступно в: Электронная библиотека ГПИБ. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3545-aksenov-i-a-eyfelei-pg-1918#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата обращения: 01.04.2017).